

ВЭЛ
КИЛМЕР

Непристойное
ПОЛОЖЕНИЕ

18+

Вэл Килмер

Непристойное положение

<https://litres.ru/74423739>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он поклялся умирающей жене, что будет заботиться о её дочери как о родной. Но когда Изабелла вернулась из Англии, Оливер понял: он больше не видит в ней ребёнка. Она теперь женщина. Его не волнует цвет её кожи и статус, только будущее и положение леди, которое он клялся обеспечить. Клятва и честь это единственное, что мешает ему сдаться поглощающей любви...

Содержание

Постыдная правда	4
Встреча	15
Утром	23
Бал	28
Поиски правды	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вэл Килмер

Непристойное положение

Постыдная правда

Лондон, апрель 1720 года

Влюбиться в ту, о ком поклялся заботиться как о дочери, — страшнее проклятия не придумаешь.

Оливер Вентворт, губернатор Ямайки, спускался по трапу в лондонском порту. Он желал одного: чтобы любовное навязывание рассеялось. Чтобы он снова мог смотреть на Изабеллу и видеть не женщину, а дитя, и чтобы кровь не закипала при мысли о ней. Тогда бы он сумел исполнить обещание, данное её умирающей матери.

Туман опустился на Темзу. Лондон утопал в сырой, холодной пелене гари тысяч каминов. Оливер плотнее запахнул тяжёлый камзол, окинул взглядом чугунные фонари, едва мерцавшие сквозь дымку.

Воспоминания, словно туман, набрасывались и окутывали всё плотнее.

Он встретил Марию, когда та осталась с шестилетней Изой на руках. Они жили как муж и жена, но без венчания — на Ямайке подобный союз называли грубо «законом садовника». Однако Мария не была наложницей. Она была его

сердцем.

Год спустя Мария умерла от родильной горячки. А их мальчик — чуть позже.

Перед смертью она взяла с него клятву, что её дочка останется свободной, что он даст ей образование и лучшее будущее. Что никто не назовёт её рабыней, сколько бы чёрной крови ни текло в её жилах.

Он посадил Изу на корабль в порту Ямайки и отправил в дальнейшее плавание в компании гувернантки напрямик в Лондон, в пансион для «леди с неопределённым статусом». Он заплатил золотом, заработанным на сахарных полях. Отослал учиться жить среди чопорных англичан, терпеливо снося возможные уколы по поводу цвета кожи.

Изабелла была квартеронкой. На Ямайке цветная девочка, будь она хоть трижды дочерью губернатора, не могла наследовать землю или выйти замуж за джентльмена. Её судьба была предопределена кровью: её ждала доля служанки. Брак — в лучшем случае. В худшем — роль наложницы господина.

Он поклялся из любви к Марии, не ведая, что её призрак ещё вернётся и станет мучить его уже иной, болезненной страстью.

Он исполнял долг исправно вплоть до прошлого лета, когда приплыл навестить её в преддверии последнего года обучения.

Изабелла вошла в гостиную, залитую августовским солн-

цем, и Оливер внезапно увидел женщину. Теперь ей исполнилось восемнадцать. Она была вылитая Мария: те же скулы, тот же изгиб губ, кожа цвета кофе с молоком, бледно-зелёные глаза. На плечах тяжелой массой лежали густые вьющиеся волосы глубокого шоколадного оттенка. Платье облегло созревшую фигуру.

— Мистер Вентворт, сэр, — сказала она.

Теперь он стал губернатором, и её чинная манера соответствовала обстановке, но ему почему-то стало не по себе, даже обидно. Он словно окаменел, поражённый разрывом между прошлым и настоящим: как далеки они друг от друга! Он и она теперешние.

Возраст, положение и обещание — целая пропасть.

Иза сделала шаг к нему. Он резко поклонился, как подобало джентльмену, и она остановилась, будто сбитая с толку.

— Вы меня не обнимете? — спросила она.

— Теперь ты выросла.

И не только, как оказалось. Изабелла двигалась и говорила как истинная леди. Её английский был безупречен. Она держала спину прямо, руки сложены на коленях, взгляд опущен. Когда её пальцы случайно коснулись его костяшек — кровь закипела, как во время абордажного боя.

Он смотрел на неё — такую странно тёмную для муслинового платья цвета абрикоса — и всё сильнее впадал в отчаяние. Потому что было в этом что-то натужное, даже отталкивающее.

Она выучила урок и стала благовоспитанной девицей. И эта правильность теперь разбивала ему сердце.

Потому что на самом деле он не терпел обычаи англичан. Эту напыщенность, под которой скрывается холод. Он любил Ямайку, её жару, джунгли и грозы над горами Блю-Маунтинс. Мария была для него живой Ямайкой. Если бы он мог, то плюнул бы на правила и стал пиратом. Но он похоронил свою дикую натуру под слоями долга и чести.

И вот Изабелла, так похожая на мать, теперь тоже втиснута в рамки, как он втискивал себя.

Что он наделал! Он своими руками взял её дикую натуру и запихнул в чопорную коробку.

Но он лишь исполнял клятву...

Он шёл по пристани, и каждый шаг отдавался гулом. Раскол в душе был более чем очевиден. Он получил воспитанницу и сделал из неё леди. Как опекун он справился.

Но воспитанница стала прелестной женщиной, воплощающей всё, что он так любит. Женщиной, втиснутой в чуждые ей рамки, — и это убивало его.

Да. В тот августовский день он испытал вожделение к Изабелле.

Правда обожгла, и ожог до сих пор зудел на сердце.

Из тумана вышел человек.

— Ваш экипаж, сэр, — кучер открыл перед ним дверь. — Чемоданы уже погружены.

Оливер сел. Свистнула плетъ, карета дёрнулась.

Под стук колёс он закрыл глаза и представил, как забирает её на остров, делает своей. На Ямайке никого не удивила бы связь губернатора с красавицей-квартиранткой.

Сдавленный вздох вырвался сам собой.

Он не пират. Он — закон. Он дал клятву. Если он коснётся её как мужчина, его репутация, её достоинство — всё превратится в пепел. Даже если бы закон позволил жениться, враги раструбили бы, что он растлил собственную воспитанницу.

Он сжал кулак.

Потому он избавится от неё. Он уже нашёл жениха: молодой плантатор, достаточно состоятельный и скучный, возьмёт Изабеллу за себя за покровительство Оливера и, больше того, за приданое в несколько акров плантаций. Оливер сам поведёт её к алтарю.

— Подъезжаем! — крикнул кучер.

Сквозь туман проступили высокие стены и чугунные ворота пансиона. Сердце ускорилося.

Оливер поправил шейный платок, надел маску губернатора. Его рука дрожала, когда он поднял дверной молоток.

Он пришёл забрать свою Изабеллу. Самую большую победу опекуна и самое страшное поражение мужчины. Он увидит её совсем скоро. Он будет холоден, и ничто не нарушит его планов. Это станет его последней битвой с собственной натурой.

Потому что теперь самой большой опасностью для неё

был он сам.

Пансион миссис Холлоуэй

Изабелла всматривалась в своё отражение, пытаясь отыскать в нём тринадцатилетнюю девочку, которую Оливер когда-то отослал прочь.

Девочка исчезла. На её месте стояла молодая женщина. Именно ей предстоит проститься с серыми туманами и угольной гарью и вернуться на Ямайку. Она не была там шесть лет, показавшихся вечностью. Уже и дом забыла. Хотя Оливер писал, что давно переехал в губернаторскую резиденцию. Пансион, где она провела эти годы, был серым и холодным даже коротким летом. Она точно не станет скучать по снегу.

Как и по косым взглядам, обращённым к ней, когда она входила в общую гостиную. По замечаниям, сказанным в спину: «Квартеронка... Это негр?.. Её дед был работоторговцем..., а бабка... неприлично говорить... рабыней».

Как-то раз на уроке вышивания мисс Гринвич подошла к столу, за которым сидела Изабелла, и как бы вскользь, но достаточно громко, заметила, глядя на её руки: «Удивительно, как старательно природа порой прячет знаки истинного происхождения, но стоит присмотреться к лункам ногтей...»

В тот день Изабелла осознала, что для этих людей она обезьянка, которую можно выучить играть на клавесине. Что даже её ногти они ненавидят.

Ей понадобилось немало времени, чтобы научиться вовремя отворачиваться и уходить.

Да. Горечи хватало...

...и всё же...

Всё же было и приятное. Да, позади останется жизнь наполовину горькая, но и наполовину радостная. Здесь останутся её враги, но и подруги. Взять хотя бы Элизу, дочь обедневшего баронета. Она делилась с ней последним кусочком засахаренного имбиря. Они любили лежать под одеялом, мечтая вслух о балах. Это была отрада — найти родную душу в холодном месте. Или Талурия, эта «голодранка», как её прозвали. Её тоже не любили за происхождение. Драчливая ирландка вступилась за неё и оттаскала за волосы особо язвительную Эллу.

А как хороши были прогулки в саду, когда она смотрела на небо и представляла, что оно так же синее и над Ямайкой. А ветер, треплющий её чепец, прилетел оттуда. И где-то там Оливер смотрит на то же самое солнце и думает о ней.

Изабелла вернулась к секретеру. Взяла тонкий лист бумаги и медленно сложила, проведя затем по сгибу ногтем с такой силой, будто надеялась выдавить из него хотя бы каплю живых чувств. Перед ней лежала перевязанная лентой стопка — отчёты губернатора Ямайки о проделанной работе, которые он по какому-то недоразумению называл личными письмами.

Она давно выучила тексты наизусть.

«Погода стоит сухая, сахарный тростник в этом году хорош». «Пираты у берегов Кингстона снова буйствуют, на прошлой неделе мы вздёрнули троих на реях Порт-Ройала». «Твоя рыжая кобыла жива, ест вдоволь».

Всё. Короткие, рубленые фразы на пол-листа в сравнении с тем, как много он писал ей в самом начале. Порой ей чудилось, будто он издевается над ней. Или экономит бумагу и чернила. Он не мог не понимать, что кроме него у неё больше никого нет. Он заботился о ней вполне сносно целых шесть лет, и получать теперь такие сухие отчёты было не то чтобы странно — даже пугало!

А после последней встречи и подавно. Письма стали ещё суше и вовсе скудными. Сначала было полторы страницы, потом одна, потом половина. Ни единого вопроса о её мыслях, ни словечка о том, как он прожил эти годы без неё, что ждёт возвращения и скучает. Ни слова о нём самом.

Три абзаца, ровно половина листа. Больше он себе не позволял.

С каждым посланием казалось, что ниточка, связывающая их, становится тоньше. Ещё немного — и порвётся совсем. Словно Оливер устал притворяться, будто ему есть до неё дело.

Она до сих пор не могла простить ему, как резко он отослал её за океан под предлогом «лучшего образования» и «во имя будущего, полного возможностей». Хотя она не помнила, чтобы мать просила о подобном. Словно он не смог бы

обеспечить всего этого на Ямайке.

Ей чудилось предательство — будто он вымарывает её из своей жизни, как ругательное слово из книги.

Был ли стыд тому причиной? Уж не боялся ли он, что все считают её его незаконнорожденной дочерью?

Она посмотрела на портрет над каминной полкой. Миссис Холлоуэй, основательница пансиона, суровая женщина в кружевном чепце, взирала на неё с высоты своего происхождения.

Иза зябко поёжилась. Потирая руки, встала из-за стола и подошла к камину. Огонь догорал, оставляя после себя ворох серого пепла; так же тлели надежды, что Оливер не изменил своего отношения к ней.

Взять хотя бы прошлую встречу. Он прибыл в хорошем настроении. Он казался ей прежним — опекуном, который обещал защищать её. Пусть даже был, как всегда, холодный и сдержанный — англичане все такие. В первый день он расспрашивал её об успехах в музыке и французском, посмотрел её рисунки, кивнул с удовлетворением.

Но на второй день его словно подменили.

Он стал угрюм, в его движениях появилась странная, пугающая резкость, словно она докучала ему. Он то смотрел на неё так, будто видел впервые, то подолгу молчал, уставившись в одну точку. Притом она всё же нет-нет, но ловила на себе его взгляд, и тогда он быстро отводил глаза, будто сам её вид оскорблял его. Словно он не нашёл того, что ожидал

увидеть.

Она гадала — что случилось? В голову лезли худшие догадки.

Она не оправдала его надежд, думала она тогда, сжимаясь от холода, который не имел отношения к погоде. Недостаточно старалась. Её французский недостаточно чист, походка недостаточно плавная. Может быть, её манеры леди казались ему лишь жалкой пародией на женщин, с которыми он общался в свете?

Она так старалась быть «английской англичанкой». Что для этого требовалось? Вроде бы немного. Она выучила, какой вилкой брать устриц. Разбиралась в светской беседе, ей не надо было объяснять дважды, когда молчать, когда говорить, когда опустить глаза в присутствии мужчин. Она заучила наизусть имена правителей Англии и Шотландии и могла процитировать любой псалом, если бы её попросили.

Думать, что дело в её происхождении, ей не хотелось. Ведь она не может не быть черной.

И при всём этом она ловила себя на мысли, что ей обидно не просто как воспитаннице.

Его поведение оскорбляет её уже и как женщину!

Детская привязанность за годы разлуки превратилась в нечто новое и глубокое, неведомое ей. Запах табака и морской соли, исходивший от его камзола, напоминал ей, что он подвергает свою жизнь опасности, пока гоняется за пиратами. Мысль, что она может потерять его, несла в себе некую

двойственность. Словно она лишится не только приёмого отца, но и кого-то большего... Она вспоминала тепло его рук и испытывала незнакомый трепет в груди. Ей хотелось коснуться его, но уже не затем, чтобы получить поддержку. Новое и незнакомое чувство двигало ею, но она не решалась назвать вслух догадку.

Неуловимая перемена в отношении к нему терзала её. Наконец он приедет, и она выяснит, что её мучит.

Она выпрямила спину, набираясь решимости. Она едет домой не как воспитанница к опекуну, а как женщина, жаждущая узнать, осталось ли в его сердце место для неё, или же оно у него окончательно окаменело.

Шаги за дверью прервали её мысли. В дверь решительно постучали.

Встреча

Экономка замерла на пороге.

— Мисс Сантуш, ваш опекун ожидает внизу.

Сердце тяжело стукнуло и словно провалилось в низ живота. Ещё немного — и она увидит его! Изабелла собралась ответить, но от волнения слова вылетели из головы.

— Вы слышите? — нахмурилась женщина.

Изабелла вскочила со стула.

— Иду, — выдохнула она.

Экономка вышла, оставив дверь приоткрытой, как напоминание о том, что леди не заставляют ждать.

Изабелла кинулась к зеркалу, на ходу поправляя воротничок дорожного платья из серой шерсти. У отражения были круглые глаза, в движениях много суеты. Она выдохнула, стараясь унять волнение. Хотелось выглядеть безупречно и по возможности привлекательно. Так что она пощипала щёки для румянца, заткнула прядку у виска в причёску.

И только у двери, когда уже положила руку на косяк, её вдруг словно ударили указкой по ладоням — перчатки! Она забыла перчатки. А ведь леди не показываются перед мужчинами с голыми руками. Это неприлично и вульгарно, и миссис Холлоуэй вбила правило в голову всех воспитанниц так глубоко, что они просыпались по ночам и проверяли, не обнажены ли их запястья.

Она бросилась к секретеру за белыми перчатками. Торопливо натянула тонкую лайку и схватила письма, которые спрятала в кармане.

В спешке Изабелла спускалась в гостиную, доски скрипели под ногами. С каждым шагом в животе всё туже стягивался узел. Снизу донёсся голос директрисы. Миссис Холлоуэй что-то монотонно бубнила. Ей ответил мужчина...

Изабелла узнала его голос. Низкий, с лёгкой хрипотцой, которая осталась у него после лихорадки много лет назад. Он отвечал коротко, односложно, как в письмах. Перегнувшись через перила, она увидела край его тяжёлого дорожного плаща на меховой подкладке — слишком тёплого для апреля, но Оливер всегда мерз в Англии.

Ступая почти бесшумно, она подошла к дверям и замерла на пороге, чтобы рассмотреть Оливера. Он стоял у камина, опершись на полку одной рукой и понутив голову. Как будто Холлоуэй отчитывала его. Вторая рука покоилась на эфесе шпаги, как всегда: он даже в доме будто бы готовился к бою.

Когда он поднял голову на звук её шагов, Изабелла окончательно растеряла присутствие духа.

Его лицо. Боже, его лицо.

Ямайское солнце выжгло его кожу до бронзового оттенка. Высокий лоб, прямой нос, волевой подбородок с лёгкой щетиной — не успел побриться с дороги. Глубокие складки у рта, жёсткая линия челюсти придавали вид камня, по которому прошёлся резцом скульптор. Тёмные волосы чуть тро-

нула седина. Они не виделись год, в целом недолго, но она отвыкла.

И теперь рада его видеть.

Тёмно-карие, почти чёрные глаза Оливера с привычным жёстким блеском изучали её. Ей почудилось нечто странное — не то гнев, не то ослепляющая боль, которую он тут же подавил. Кровь прилила к щекам, горло перехватило.

Она стояла безмолвно уже непозволительно долго. Большим усилием она заставила себя говорить.

— Мистер Вентворт. Сэр... — Она сделала глубокий, безупречный книксен, удерживая равновесие из последних сил. — Как вы добрались?

— Благодарю, мисс Сантуш.

Она жадно ловила малейшую перемену в его лице. Доволен ли он? Видит ли он в ней леди, которой хотел её сделать? Ей почудилось удивление — будто он не ожидал увидеть её такой. Потом вспышка чего-то тёплого, быстрого, как молния. Но сразу же — холод.

— Рада вас видеть.

Изабелла хотела бы сказать ему: «Я скучала по тебе каждую ночь, я перечитывала твои сухие письма по десять раз, я танцевала для духов, чтобы ты вернулся за мной. Ты нужен мне, Оливер. Ты единственный, кто у меня есть.»

А он лишь коротко кивнул и тут же повернулся к Холлоуэй, стоявшей в дверях.

— Все ли чемоданы мисс Сантуш упакованы и вынесены

к экипажу? — Его голос звучал монотонно.

— Все до единого, мистер Вентворт, — ответила та. — Слуги уже выносят их к карете.

— Проследите, пожалуйста.

Холлоуэй ушла. Изабелла сделала к нему пару шагов. Оливер обратил взгляд на лестницу, на камин, куда угодно, только не на неё.

— Мы остановимся в гостинице «Корона» до отплытия, — сказал он всё так же ровно, будто читал вслух счёт из лавки. — Ваши вещи доставят туда. Корабль отходит через два дня. Мы будем жить в отдельных номерах, разумеется, чтобы не давать повода для сплетен.

Оливер начал излагать маршрут. Гостиница у порта, завтрак в четыре утра, погрузка. Перед этим их ждут в гостях. Он говорил о ней в третьем лице, будто она была неодушевлённым грузом, тюком хлопка, который нужно доставить из одного порта в другой.

— На улице туман и сыро. Где ваш плащ?

— В холле.

Он помог ей набросить плащ-манто на плечи. Он держал пелисс, ожидая, пока она вставит руки в рукава. Она повернулась к нему спиной, ощутив его дыхание на своей шее совсем близко. От него пахло кофе и табаком. Запах Ямайки. Запах дома.

На мгновение его руки оказались в опасной близости от её шеи. Изабелла затаила дыхание, резко обернулась, пыта-

ясь поймать его взгляд, заставить его посмотреть ей в глаза, но он моментально отступил, увлечённо разглаживая складку на собственной манжете узловатыми пальцами. Руками человека, который держал шпагу не для виду, а в настоящих боях.

Она всё же успела поймать его взгляд. На короткий миг их глаза встретились.

Оливер первым разорвал контакт.

— Карета ждёт. — Он открыл дверь, пропуская её вперёд.

Воздух показался студёным. Ей хотелось думать, что лёгкая дрожь, охватившая её, именно из-за сырости, а не из-за холодной встречи.

Кучер помог ей подняться в карету. Оливер сел напротив. Ожидать, что он заведёт беседу, было бесполезно — она уже догадалась. И сама заговорить не решилась. В карете воцарилось тяжёлое молчание. Оливер смотрел в окно, на город, который, казалось, интересовал его больше, чем она. Его профиль был резок и неподвижен. Только желваки на скулах иногда двигались — он сжимал зубы.

Что она сделала не так? Даже не спросит, как она жила? Она вела себя по правилам. Так почему же он вёл себя так, будто она провинилась?

Изабелла храбрилась, хотя пришла в тихий ужас. Вот он, единственный близкий ей человек, но между ними стояла физически ощутимая стена, которую она не знала, как разрушить. Да что уж. Она даже не догадывалась о причинах

возведения баррикад.

Поездка оказалась недолгой, но словно вечность ехали. Да ещё и гостиница «Корона» выглядела мрачным зданием с узкими окнами и тяжёлыми дубовыми дверями. Чтобы уж окончательно разрушить всякий намёк на радость от возвращения домой.

Номер Оливера был в конце коридора, её — двумя дверями раньше.

Он проверил её комнату. Походил, проверяя запоры на окнах и чистоту белья, всё в той же сухой и деловой манере.

— Здесь тепло, — подытожил он.

— Да. Уютно. — Она не придумала ничего лучше.

— Обедать будем через четверть часа, — произнёс он, глядя куда-то поверх её головы.

Её ранила его деловитая интонация. Раньше он мог потрепать её по щеке, он смеялся вместе с ней, что-то рассказывал о делах на Ямайке. Теперь же он вёл себя так, будто само её присутствие ему в тягость.

Ей до боли хотелось тепла. Человеческого, родного. ЕГО тепла.

Она сделала шаг к нему, повинувшись порыву, который копился в ней все годы разлуки, и попыталась обнять.

— Мистер Вентворт, я так скучала...

Она смогла прижаться всего на мгновение, как он перехватил её руки и с силой, почти грубо, оттолкнул. Она в изумлении уставилась на него, заметив, что его лицо иска-

зилось.

— Перестань, Изабелла. Ты больше не ребёнок, — отрезал он. — И раз уж выдалась минута, скажу сейчас. Я нашёл тебе жениха.

Земля ушла у неё из-под ног. Пришлось моргнуть, чтобы прийти в себя.

— Жениха?

Он собрался отдать её замуж? Как это так?

— О чём вы...

— Сэр Томас Пакстон. — Он прочистил горло, уставившись на свои перчатки. — Молодой плантатор, честный человек. Он тебе понравится.

Имя ей ни о чём не сообщило.

— Я его даже не знаю!

— Зато знаю я. Он не будет против твоего происхождения. Я всё уладил. — Он сказал это так, словно договорился списать промокший тростниковый сахар.

— Происхождения? Вы выдаёте меня за белого мужчину?

— Да.

Новость ошеломила окончательно. Ладно бы за португальца какого.

Оливер подошёл к двери.

— Отдыхай. И ещё... Мы приглашены на бал к герцогу Честворту. Подбери платье к завтрашнему выезду в свет. Если нет ничего, купим.

Он вышел из комнаты, хлопнув дверью, хотя, может, ей

показалось из-за нервов.

Первая горячая слеза покатилась по щеке. Осознание медленно подступало, утверждаясь в уме.

Он не просто оттолкнул её.

Он решил избавиться от неё навсегда.

Утром

Оливер проснулся задолго до того, как лондонское солнце пробилось сквозь плотную завесу смога, и теперь лежал на жёсткой кровати, глядя в потолок, считал балки, но каждый раз сбивался. Мысли ворочались, как змеи в мешке, пойманные на болоте, — кусали друг друга за хвосты. Единственная жалила сильнее остальных: как Изабелла похорошела!

Он до сих пор чувствовал мимолётное тепло её рук, когда она попыталась обнять его. В прошлом году она ещё сохраняла юношескую угловатость, теперь же совсем округлилась. Природная гибкость вкупе с привитыми манерами дала впечатляющую грацию. Платье туго стягивало тонкую талию, подчёркивая каждый изгиб её повзрослевшего тела. Серый цвет совсем не красил оттенок её кожи — цвета густых сливок с каплей тёмного мёда, — зато бледно-зелёные глаза сверкали ярче.

А лицо!

Оно преследовало его.

Высокие скулы матери и этот изящно вылепленный подбородок свидетельствовали о породе, которую не смог бы стереть ни один пансион. Шоколадные волосы, тяжёлые и густые, были усмирены искусной причёской, но несколько непокорных завитков выбились у висков, напоминая о её истинной, необузданной натуре.

Изабелла походила на яркую птицу из джунглей, случайно залетевшую в серый лондонский склеп.

Она стала почти женщиной — манящей, но запретной.

Он пока ещё опекает её. И должен был видеть в ней дочь, долг, память о Марии. Но отеческих чувств не осталось и в помине.

Он сел, запустил пальцы в волосы и замер, вспоминая, как она прижалась к нему вчера. Как её щека коснулась его груди. Аромат помадки, исходивший от волос, будоражил обоняние.

Если бы он потерял контроль хоть на мгновение, если бы обнял в ответ, то уже не смог бы остановиться. Важно сосредоточиться, дабы не выдать чувств и эмоций.

Судьба его была ясна: он будет вынужден тайно страдать, запертый в клетке собственной благопристойности. Терзаться тем, как больно её ранит его холодность и отстранённость. Но иначе нельзя! Каждое резкое слово, брошенное ей вчера, было лишь попыткой возвести баррикаду между его волеизъявлением и её чистотой.

В дверь постучали. Это был служащий гостиницы — принёс таз с водой для умывания.

— Моя спутница уже встала? — поинтересовался Оливер.

— Мисс приводит себя в порядок. Ей помогает служанка.

— Хорошо. Принесите завтрак для двоих в мой номер.

Когда Изабелла пришла к нему, она с улыбкой приветствовала его.

— Доброе утро. Как спалось?

Он даже не попытался натянуть улыбку. Казалось, что единственный тёплый порыв в её сторону — и он уже не сможет вернуться в деловое состояние, призванное держать её на расстоянии.

— Спасибо, хорошо. — Он увидел на её лице смесь страха и надежды.

— А вы?

Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Еда стынет.

Сидеть в молчании, когда только столовые приборы стучат о фарфор, оказалось ужасно. Как будто он тюремщик, который потчует приговорённого последним обедом. Надо было сказать хоть что-нибудь. Он принялся перебирать варианты, а потом вспомнил.

— Выбрали платье для бала?

— Там будет много знати? — Она, конечно, боялась. Её первый выход в свет. Первая возможность доказать, что она достойна сидеть за одним столом с теми, чья кожа белее, чем её.

— Думаю, предостаточно. Так что с платьем?

— Выбрала. Хотите взглянуть?

Он подумал и решил, что не хочет даже отдалённо прикидывать, как она будет выглядеть в бальном платье, и поморщился.

— Если оно не сильно... отстаёт от моды, то сгодится.

Сейчас мне надо уехать. Дела в Адмиралтействе и Уайтхолле. — Он встал, одёргивая камзол. — Обсуждение торгового законодательства и усиления морской охраны. Пираты совсем обнаглели в последние месяцы.

Зачем ей это знать? Тщетная попытка заполнить неловкие паузы и к тому же очень явная.

— Да, сэр, — тихо ответила она, и это «сэр» полоснуло его по сердцу. — Чай допивать не будете?

— Я не любитель.

В Палате лордов обсуждали положение в Карибском море. Отчёты, которые Оливер отправлял с Ямайки в Адмиралтейство, привели всех в возбуждение. Пират Чарльз Вейн недавно бежал с Багамских островов и, по слухам, набирал новую команду у берегов Кубы. А его протеже, некий Джек Рэкхем, прозванный Калико Джеком, вообще чувствовал себя безнаказанным, хозяйничая в водах между Ямайкой и Тортугой.

И хотя Оливер лично отправил на виселицу по меньшей мере дюжину пиратов за последние три года — прошлые заслуги меркли в сравнении с тем, что творилось сейчас на торговых путях. Угрозы от сообщников упомянутых разбойников поквитаться с ним лично приходили регулярно, и он не был дураком — он знал, что это не просто слова. Как Оливер охотился за головами Вейна и Калико, так и они мечтали раздобыть его голову.

Так что он оказался зажат между Адмиралтейством, тре-

бовавшим навести порядки, и постоянной угрозой со стороны пиратов.

— Губернатор, ваши методы вызывают... неоднозначную реакцию, — заметил лорд-секретарь, разглядывая отчёты. — Сэр Николас Лоуз жалуется, что вы слишком усердствуете. Казни девок Калико Джека, этих Мэри Рид и Энн Бонни, настроили против нас всё пиратское братство Нассау. Ну ограбили они пару кораблей. Навели страху, чтобы затем отдавали добро без боя. Чёрт бы с ними. Но из-за вас пираты на взводе и лютуют сильнее обычного.

— Я разозлил их? Прекрасно. Пусть знают, что на Ямайке их ждёт только пеньковая верёвка, — отрезал Оливер.

— Поговаривают, что за вашу голову назначена цена. Будьте осторожны на обратном пути.

Оливер лишь усмехнулся.

Бал

По пути в гостиницу Оливер перебирал все услышанное в Палате. Крепла мысль, что нужно нанять капера, который добудет ему головы врагов. Такой человек неприметный в противовес кораблю из флота королевы, легкий на подъем — каперы часто плавают на судах малого тоннажа, — и знает острова, как свои пять пальцев. В конце он решил, что выдаст лицензию первому достаточно удачливому приватиру.

Часы показали половину седьмого, когда он поднялся на второй этаж. За дверью комнаты Изабеллы слышались голоса. Он постучал. Открыла служанка.

— Мисс Сантуш готовится к выезду?

— Да, сэр. Она одета. Хотите войти?

Деваться было некуда — не станет же он глядеть всё время под ноги.

Он шагнул за порог.

Изабелла стояла у зеркала. Она смотрела прямоком на него, и ему почудилось, что он видит вместо неё Марию. Чтобы прогнать наваждение, он отвёл взгляд от её лица. Платье из нежно-кремового атласа выгодно оттеняло её кожу, которая при свете лампы казалась отлитой из матового золота.

— Достаточно приличное? — спросила Изабелла.

— Приличное? — не понял он.

— Не засмеют меня? Платье прошлогоднее.

Он пожал плечами, строя как можно более безразличный вид, хотя сердце несло галопом.

— Я не слежу за модой, Иза. И потом, мы после уплывём и уже не вернёмся. Не обращай внимания, если кто-то делает замечание. — Он сказал и подумал, что все будут заняты не её платьем, а цветом кожи, и поморщился. — Скорей бы домой, — пробурчал он себе под нос. — Я переоденусь, и поедем.

По дороге ему всё мешал шейный платок. Он поправлял его без конца, пока вдруг до него не дошло, что дело в другом — его беспокоили духи Изабеллы. Благо мучиться пришлось всего чуть меньше получаса. Карета остановилась у дома Честворта. Он вышел первым, затем лакей помог Изабелле спуститься на мокрую от вечерней сырости брусчатку. Оливер подставил ей локоть и почувствовал, как дрожат её пальцы. Было отчего: бал у герцога Честворта был средоточием лондонского блеска. Осознавала ли она, как могут её принять из-за происхождения?

— Не волнуйся, — сказал он тихо, наклоняясь к её уху. — Ты прекрасно выглядишь.

Беспокоиться о виде следовало в последнюю очередь. Но ничего. Он будет внимателен и быстро пресечёт любые неприятные разговоры.

Изабелла подняла на него глаза, полные благодарности, и улыбнулась.

— Вы выглядите статно. Видно, что вы губернатор.

Оливер невесело посмеялся.

Блеск залы ослепил, когда они вошли. Люстры из венецианского стекла искрились от обилия свечей. Свет вдобавок отражали позолоченные зеркала, в которых рябили наряды джентльменов и дам: камзолы, напудренные парики, драгоценности, кружева и атлас, шёлк и бархат. В нос ударил запах духов, расплавленного воска и дорогих сигар, привезённых из дальних колоний.

Всё это великолепие обеспечивали плантаторы и рабы. Оливер не имел определённого мнения о черных на плантациях белых. Но достаточно видел людей своего уровня, проданных в рабство по политическим преступлениям. И белым отнюдь не нравилось гнуть спину с утра до ночи. Вряд ли и черные получали удовольствие от того, что клали жизнь вот на такие сверкающие балы господ, которые в глаза не видели батраков.

Он вёл Изабеллу под руку мимо гостей. Те оборачивались, разговоры на мгновение стихли. Любопытные взгляды смещались с них, кто-то умудрялся поднести к глазам монокль или лорнет. Был тому причиной цвет её кожи? Ему хотелось верить, что дело в её красоте. Ведь она и правда была ослепительна. Оливер видел, как оценивающие, завистливые и любопытные взгляды впиваются в его воспитанницу. Ее напряжение было ощутимо — она сильнее сжала его локоть. Он потрепал её по тыльной стороне ладони в утешающем жесте.

— Держись гордо.

Изабелла поклонилась одной леди, другой, ответив любезностью на замечание о ее коже. Укутать бы ее в плащ и увести прочь от придирчивых взглядов пустышек в напудренных париках.

Вместо этого пришлось танцевать контраданс.

Пары одна за другой начинали движение. Дамы в атласных туфельках скользили по паркету, кавалеры кланялись. Оливер повёл Изабеллу в фигуру контраданса: шаг, поворот, поклон, шаг в сторону. Всё это он проделывал сотни раз на скучных балах ещё до службы на Ямайке. Но для нее всё происходило впервые, и он не отводил взгляда от ее лица, как бы говоря: всё отлично, я с тобой.

Ах, как она хрупка! Он чувствовал частое биение её пульса на запястье и вдруг осознал, что боится за неё больше, чем за себя. Боится, что она споткнётся или уронит веер. Или того хуже: какая-нибудь графиня отпустит слишком громкое замечание о цвете её кожи.

Он положил руку ей на талию на очередной фигуре: танец требовал, чтобы он поддержал её за спину, разворачивая вокруг себя. Оливер через атлас почувствовал, как под его пальцами Изабелла вздрогнула. Или это он вздрогнул? Чёрт его знает. Её тепло проступало сквозь материю прямо в его ладонь, и собственные пальцы вдруг показались ему огромными, грубыми и неуклюжими.

Очередная фигура сблизил их. Они очутились лицом к лицу, почти касаясь друг друга грудью. Изабелла подняла

голову. Ах эти зелёные глаза! Такие большие, с длинными ресницами, которые отбрасывали тени на скулы. В этом свете, так близко, кожа светилась. Его дыхание перехватило, и сердце забилось чаще.

Вот бы ему иметь её при себе как возлюбленную.

Так нельзя. Это неправильно. Не следует так думать и даже допускать мысли об этом и чём-то подобном. Он ведь её опекун. Она воспитанница на его попечении. Между ними клятва, долг, приличия. Между ними разница в положении.

Он всё это знал и держал в голове.

Но почему же, когда они кружились в танце, эти обещания забывались? Пока скрипка вела свою партию, барабаны отбивали ритм, каблуки стучали в такт, всё внимание Оливера сосредоточилось на ней, на её влажных манящих губах, на глазах, в которых отражались огоньки люстры. Она то и дело приоткрывала губы, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

Оторваться от этих глаз было самым сложным. Он понял, что готов смотреть в них вечность. Каждый раз, когда их взгляды встречались, в нём просыпалось чувство, которого не должно быть между опекуном и подопечной. Эти чувства пугали своей силой и интенсивностью. Оно поднималось вопреки здравому смыслу, смывало стыд и заставляло забыть о клятве, которую он дал не только себе, но и её покойной матери.

Оливер хотел протянуть руку и коснуться её нежной ще-

ки. Провести пальцами по волосам. И увести её с этого бала, подальше от блеска зеркал и напудренных париков. Подальше от богатства, нажитого чужим потом и кровью.

Он мечтал оказаться там, где всё это перестанет иметь значение, где останется только её ладонь в его руке, её тонкая талия под его пальцами и этот взгляд, от которого он терял способность думать.

Он резко прекратил вести, потому что иначе бы поцеловал её.

— Хватит с меня.

Он отвёл её к диванам, усадил, одёрнул камзол. Она часто дышала, хлопая ресницами, явно не понимая причины его резкого поведения. Ну и пусть. Плевал он.

— Я приведу вам компаньонку. Развлекайтесь сами.

Он не смягчил тон и явно обидел Изабеллу, потому что она как-то разом поникла. Но утешать её он не собирался. Он скорее отвернулся, чтобы не видеть немного вопроса в её глазах.

Оставив Изабеллу под присмотром пожилой графини, Оливер удалился в курительную комнату.

— Вентворт!

Оливер повернул голову. Лорд Периш стоял у камина в окружении трёх джентльменов. Оливер недолюбливал его. Периш, известный повеса и любитель женщин, — худшая компания на вечер.

— Губернатор собственной персоной! А мы уж думали, вы там, на ваших островах, совсем одичали и забыли, как пахнет цивилизация.

Он силой воли не позволил усталости отразиться на лице, когда Периш двинулся в его сторону. Пожал протянутую руку, чувствуя, как от влажного, липкого пожатия его передёргивает.

— Не забыл, милорд. Увы, — холодно ответил Оливер, прикуривая сигару.

Периш хохотнул и обернулся к своим приятелям.

— Джентльмены, это тот самый человек, который вешает пиратов как цыплят. Говорят, на Ямайке его прозвали Железный Оливер.

— Лестно, — сухо отрезал Оливер, затягиваясь сигарой.

— Видел вашу спутницу. — Глаза Периша масляно блестя. — Боже правый, Вентворт, где вы отловили сей редкий экземпляр? Кто она вам?

Оливер решил на первый раз проглотить замечание об Изе, как о дичи.

— Моя воспитанница, мисс Сантуш.

— Воспитанница? Какое изящное слово. — Периш прищурился, сально ухмыляясь. — Квартеронка? — растянув слово и понизив голос, поинтересовался он.

Оливер знал этот тон. Тон мужчины, который видит в беззащитной женщине ниже по положению лишь развлечение определённого толка.

— Да.

— Рабыня? — Периш сделал глоток бренди и облизнулся.

— Её покойный отец был португальским торговцем. Так что нет.

— Какая прелесть. Она буквально находится на границе двух миров, не так ли? — Периш выдержал паузу, видимо, дожидаясь реакции. — В какой именно из них вы её определили? Для гостиной она слишком... пряная, а для кухни — слишком изящна.

— Я понятия не имею, о каких мирах вы бредите, Периш, — Оливер почувствовал, как внутри закипает глухая ярость.

— Хорошо. Выразусь иначе. Когда вернётесь на Ямайку, вы её поселите в доме или... в саду? — Ещё одна весомая пауза. — Очень уж красивый цветок вы вырастили. Да и вам не впервой... окучивать дикие цветочки.

Все знали, как живут плантаторы на Ямайке, прибегая к «закону садовника». Периш только что грязно намекнул на его сожительство с матерью Изабеллы.

— Я слышал, квартеронки очень... темпераментны, — не унимался лорд. — Она уже знает вкус господской спальни?

Оливер с силой поставил бокал на каминную полку, даже бренди выплеснулось на пол. Звук удара об полку заставил остальных мужчин обернуться. Оливер шагнул к Перишу. Тот, почувствовав физическую угрозу, непроизвольно отступил, едва не споткнувшись о край ковра.

— Я начищу вам морду, сэр, — произнёс Оливер почти

ласково. — И не посмотрю, что она у вас белее белого. Ещё одно слово о моей воспитаннице, и клянусь Богом, вы забудете, как окучивать лондонских шлюх.

Периш раскрыл рот. В этот момент Оливер был не губернатором в расшитом камзоле — он был тем, кто лично пинком выбивал табурет из-под ног осуждённых пиратов.

— Выйдите, — сказал Оливер, шагнув вперёд. — Пока я не забыл, где нахожусь.

Периш, белый как мел, стремительно ретировался. Оливер перевёл дыхание, руки всё ещё дрожали. Он повернулся, чтобы выйти на балкон, и замер.

В дверях, за портьерой, стояла Изабелла.

Она была бледна. Всё слышала — это читалось на её лице. И про то, для чего её держат, и про то, что о них говорят.

— Изабелла... — голос у него сорвался.

Она промолчала. Только посмотрела на него — тяжело и долго — и, отвернувшись, ушла.

Поиски правды

Нашлась пожилая леди в напудренном парике, чтобы составить ей компанию. Графиня с приторной вежливостью поинтересовалась, откуда мисс Сантуш родом. Оливер ответил, что Изабелла выросла на Ямайке и что её покойный отец был португальским торговцем.

— Так и не скажешь. Такая воспитанная особа, — ответила комплимент графиня.

— Благодарю вас, — ответил Оливер с каменным лицом.

— Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду, — продолжала графиня, понижая голос. — В нашем обществе такие... оттенки... редкость.

Изабелла держалась стойко. Она не опускала глаз, не краснела, не запинаясь. Отвечала на вопросы с вежливой улыбкой, делала безупречные реверансы, говорила с идеальным английским акцентом, будто родилась в Гринвиче, а не в тропической колонии с сомнительной репутацией. Никто не мог придаться к её манерам. Но все цеплялись к цвету её кожи.

— Ваша воспитанница просто прелесть, мистер Вентворт, — заключила графиня.

Под присмотром старой леди Оливер оставил её. Заискивающий тон графини вскоре надоел — жалость этой женщины была ни к чему и раздражала. Извинившись, Изабелла отправилась искать Оливера. Пока шла до кабинета, лови-

ла на себе взгляды гостей: в полутемной гостиной отчётливо блестели их напудренные лица и белые парики, когда они поворачивали головы ей вслед.

Она приоткрыла дверь в мужскую святая святых и едва не задохнулась от густого сигарного дыма. Оливер беседовал с лордом. Она решила подождать, не отвлекать его.

И пожалела об этом.

Услышала об унижительном праве плантатора, о матери и о себе. Внезапно до неё дошло. Вот причина его бухгалтерского тона. Стены, вставшей между ними.

Все видят в ней его игрушку, рабыню для плотских утех. Изабелла буквально оцепенела.

— Вы... вы не в себе, Вентворт, — пробормотал лорд и, развернувшись, быстро зашагал прочь.

Оливер заметил её и тоже застыл. Она хотела бы скрыться, но ноги словно приросли к полу. Затем он моргнул, точно опомнился.

— Изабелла, — начал Оливер, делая шаг к ней.

Боясь расплакаться, она как во сне побрела в залу, и только прикосновение его руки вывело её из оцепенения.

— Иза. — Он назвал её ласково, как звал обычно. — Устала? Давай выйдем на воздух.

Он вывел её под руку, и она шла, не чувствуя ног. Всё расплывалось, и только его ладонь, твёрдая и горячая, не давала ей разрыдаться.

Дверь на балкон скрипнула, и на неё пахнуло сырым ноч-

ным воздухом. Изабелла поёжилась. Оливер убрал руку и отошёл к перилам. Она осталась у двери, не решаясь подойти.

Он молчал. Она тоже молчала, потому что слова застре-
вали в горле. Что она могла сказать? Слова «вкус господской
спальни» прилипли к ней, точно грязь.

Оливер наконец повернулся к ней.

— Замёрзла? — Его голос прозвучал глухо, почти ви-
нато.

— Нет.

Оливер снял камзол, подошёл и набросил ей на плечи.
Ткань, нагретая его телом, пахла табаком и шампанским.
Она вцепилась в края камзола, прижимая к себе.

— Давно ты вошла в кабинет?

— Что вы хотите узнать, сэр?

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Затем она выпря-
милась.

— Ничего такого, чего бы я не знала, я не услышала.

Он вздохнул, пряча глаза. Затем отошёл. Два шага к пе-
рилам, один обратно. Она никогда не видела Оливера таким
растерянным. Губернатор, который вешает пиратов без раз-
бирательства, сейчас не знал, куда деть руки.

— Периш — болван, — сказал он наконец. — Пустоголо-
вый повеса с родословной, которая давно проигрывает его
репутации.

— Потому вы хотите скорее выдать меня замуж?

Он остановился.

— Да, Иза.

Он пытается заботиться, поняла она: ярость, с которой он её защитил, свидетельствовала об этом. Но он только больше запутал её. Отчего же он вёл себя с ней как... как каменное изваяние, если заботится? Боялся того, о чём сказал лорд? Что их... его и её... сочтут любовниками?

Теперь она услышала это со стороны, увидела сальный взгляд Периша и поняла, какой грязной выглядит её собственная история в глазах этих людей.

Так вот как они видят её место подле Оливера. Очередную квартеронку, которую белый мужчина поселит в саду. Которая будет греть его постель, рожать ему светлокожих детей и никогда не выйдет за него замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.